

МАРИЯ
ШАРАПОВА

НЕУДЕРЖИМАЯ
МОЯ ЖИЗНЬ

МОСКВА
2017

УДК 796.342:929 Шарапова М.
ББК 75.577 Шарапова М.
Ш25

María Sharapova

UNSTOPPABLE: My Life So Far

Copyright © 2017 by SW19, Inc.
All rights reserved

Во внутреннем оформлении использованы фото:
Алексей Куценко / РИА Новости

Шарапова, Мария.

Ш25 НЕУДЕРЖИМАЯ. Моя жизнь / Мария Шарапова [пер. с англ. А. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. (Автобиография великого человека).

ISBN 978-5-04-089399-7

Перед вами первая автобиография Марии Шараповой — прославленной теннисистки, пятикратной победительницы турниров Большого шлема и обладательницы множества других престижных трофеев. Она взяла в руки ракетку в четыре года, а уже в семнадцать взошла на теннисный олимп, сенсационно одолев в финале Уимблдона Серену Уильямс. С тех пор Мария прочно закрепилась в мировой спортивной элите, став одной из величайших спортсменок современности.

Откровенная книга Шараповой не только о ней самой, ее жизни, семье и спортивной карьере. Она о безудержном стремлении к мечте, об успехах и ошибках на этом пути, о честности и предательстве, о взрослении и опыте, приходящем с годами. В конце концов, о том, как не потерять голову от побед и как стойко переносить поражения. А о поражениях Мария знает не понаслышке: после 15-месячной дисквалификации она вернулась в большой спорт, чтобы доказать всем — и поклонникам, и ненавистникам, — что даже такие удары судьбы не способны ее остановить.

УДК 796.342:929 Шарапова М.
ББК 75.577 Шарапова М.

ISBN 978-5-04-089399-7

© А. Петухов, пер. на русский язык, 2017
© Издание, оформление 000 «Издательство «Эксмо», 2017

Я знаю, как это бывает. Открываешь новую книгу. Посвящение. Мы всегда хотим пролистнуть эту страницу. Дальше!

Но эта книга написана для вас. Мы с вами могли никогда не встречаться или встречались мельком. Вы могли никогда ничего не слышать обо мне.

Но если вы что-то обо мне уже знаете, то я благодарю вас за то, что захотели узнать больше.

Благодарю за то, что решились потратить на меня свое время. За ваше любопытство. Может быть, вас просто привлекла обложка. Благодарю вас за то, что решили взять книгу с полки.

И последнее — это касается всех тех из вас по всему миру, кто переживал вместе со мной мои победы и поражения как свои собственные. Простого спасибо недостаточно, чтобы выразить вам мою благодарность, но в моем сердце навсегда сохранится признательность вам.

Не судите обо мне по моим успехам, судите по тому, сколько раз я падал и поднимался снова.

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА

ПРОЛОГ

В какой-то момент, ближе к концу Открытого чемпионата Австралии 2016 года, медсестра попросила меня помочиться в контейнер. В этом не было ничего необычного — просто еще одна процедура, предписанная ITF (Международной федерацией тенниса) для проверки атлетов на допинг и сохранения чистоты спорта. Мне было двадцать восемь лет. Я делала это уже больше десяти лет и забыла об этом тесте сразу же, как только сдала его, быстро переключившись на другие насущные проблемы: следующий круг соревнований, следующая игра, которую мне необходимо выиграть, чтобы достичь того, к чему я стремилась. Я уже выиграла пять турниров Большого шлема, включая и Открытый чемпионат Австралии, но желание быть самым счастливым из игроков в последний день больших соревнований никогда не исчезает. Более того, оно растет. Приближаясь к завершению карьеры — а в первые недели 2016-го я думала только об этом, — я стала лучше ощущать время. И шансов на выигрыш турнира Большого шлема у меня оставалось все меньше и меньше.

Серена Уильямс выиграла у меня в финале 2015 года. В двух сетах. На тай-брейке. Проигрывать никому не хочется, но я ушла с корта с твердостью и оптимизмом. Я ждала наступающий сезон, который станет для меня одним из последних. Более того, в те дни, перемещаясь по Азии с одного турнира на другой, я меньше думала об игре, чем о своем уходе. Я знала, что конец близок, и хотела уйти красиво. Я в последний раз объеду турниры Большого шлема — на-

чиная с Открытого чемпионата Австралии, потом Открытый чемпионат Франции, а потом Уимблдон. Этаким круг почета. Получу удовольствие от зрителей, а они получают удовольствие от моей игры. Все закончится на Открытом чемпионате США, на корты которого я выйду как раз в тот момент, когда эта книга появится на прилавках магазинов. Может быть, я даже доберусь до финала. И может быть, Серена тоже в нем будет.

Серена Уильямс — это живое воплощение моих побед и моих неудач — наши истории навсегда переплетены. На каждый матч с ней я выхожу с уважением и трепетом. Именно Серену я победила в финале Уимблдона, чтобы в возрасте семнадцати лет выйти на международный уровень, и именно от нее мне доставалось больше всего впоследствии. Я выигрывала у всех, кто выигрывал у Серены, но никак не могла победить ее саму. В этом есть свой секрет — она его знает и знает, что я тоже его знаю. Это наш с ней секрет, к которому я вернусь, когда наступит время.

А может быть, я найду способ победить ее и моя карьера завершится так же, как и началась, — и я буду стоять рядом с Сереной с кубком в руках под восторженные крики толпы.

Знаете, есть такая поговорка: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Шла третья неделя сезона, когда я получила электронное письмо от ITF. Когда я стала его читать, меня охватила паника. Это о том тесте, который я сдала в Мельбурне? Я его не прошла. В моче был обнаружен мельдоний, а в январе 2016 года мельдоний был занесен Всемирным антидопинговым агентством в список запрещенных препаратов. Другими словами, я нарушила антидопинговые правила. Меня немедленно отстраняют от соревнований. Затем последуют слушания.

Мельдоний?

Я никогда о нем не слышала. Это какая-то ужасная ошибка. Все еще лежа в постели, я полезла в Интернет. У мельдония было еще одно название — милдронат, и о нем я что-то слышала. Это добавка, которую я принимаю вот уже десять лет. Она используется для лечения множества заболеваний, включая и сердечно-сосудистые. Милдронат порекомендовал мне домашний врач в 2006 году. В то время я была совершенно измучена, часто болела, и на ЭКГ у меня появилось несколько аномальных зубцов. Кроме того, некоторые из членов моей семьи болели диабетом. Я даже не задумывалась об этой таблетке, просто принимала ее. Принимала всякий раз перед интенсивной физической нагрузкой — так же, как люди употребляют детский аспирин для того, чтобы избежать сердечного приступа или удара. И я была не единственной, кто его принимал. В Восточной Европе и России милдронат распространен так же, как ибупрофен. Миллионы людей пьют его ежедневно, включая мою бабушку! Я никогда не вносила его в форму ITF — в нее заносятся препараты и пищевые добавки, которые вы принимали в последние семь дней, — потому что не употребляла его регулярно и не считала, что он чем-то отличается от таблеток адвила¹.

Как он улучшает мою игру?

На этот вопрос не может ответить даже ITF. Потому что он никак на нее не влияет. Создается впечатление, что официальные лица запретили его только потому, что его принимают в Восточной Европе. «Если они его принимают, значит, для этого есть причины», — что-то в этом роде. Я пропустила сообщение о запрете мельдония, потому что он прятался в длинном списке других препаратов, до которого можно было добраться, только перейдя по нескольким ссылкам, указанным в письме из ITF, и который я просмотрела не-

¹ Адвил — обезболивающий препарат на основе ибупрофена. *Здесь и далее, если не указано особо, прим. пер.)*

внимательно. В этом и была моя большая ошибка. Я повела себя неосмотрительно.

И вот сейчас этот момент невнимательности грозил разрушить все, чего я добилась. Меня могут отстранить от соревнований на четыре года! Четыре года? Для профессионального спортсмена это все равно что вечность.

Передо мной распахнулась бездонная дыра, в которую я свалилась. Все, ради чего я трудилась с четырех лет, вся эта моя сумасшедшая борьба неожиданно получила новую жуткую и несправедливую окраску. За этим последовали дни сомнений и отчаяния.

— Черт побери! — воскликнула, наконец, я, встряхнувшись. — Я буду бороться с этой хренью!

Что лучше всего характеризует мою игру? Решительность и стойкость. Я никогда не сдаюсь. Вы можете сбить меня с ног десять раз подряд, и я поднимусь в одиннадцатый и запущу желтым мячиком прямо в вас.

— Это меня не убьет, — сказала я себе. — Последнее слово еще не сказано.

Чтобы понять эту мою решимость, вам надо знать, кто я такая, откуда я и что привело меня туда, где я нахожусь сейчас. Вам надо знать обо мне и моем отце, и о том полете во мраке ночи из России, когда мне было шесть лет. Вам надо знать о Нике Б., Секу и Серене, а также о милой пожилой паре из Польши. Вам надо знать всю эту невероятную историю. Другими словами, вам надо знать все.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я всегда любила бить. С того момента, как мне исполнилось четыре года. Удар может решить любую проблему. Бездарно проиграла Уимблдон, и все пошло наперекосяк? Бери ракетку и бей. Ее струны и мяч, и связанное с этим физическое напряжение все исправят. Удар возвращает тебя в реальный мир, где цветут цветы и поют птицы. Получила жуткие новости с другого конца света? Бабушка умерла, и теперь тебя ждет долгий перелет и похороны? Бери ракетку, бери мяч. И бей. Правила изменились, а ты об этом ничего не знала, и совершенно неожиданно таблетка, которую ты принимала многие годы, все погубила? Бери ракетку и бей!

Вот одно из первых моих воспоминаний. Мне четыре года. Мой отец, который занялся теннисом за пару лет до этого только потому, что брат подарил ему ракетку на день рождения, приводит меня на местные корты в Сочи. Небольшой парк с грунтовыми кортами, закусочная и колесо обозрения, с вершины которого можно смотреть на Черное море поверх домов. В тот день, может быть, потому что мне было скучно, я вытащила из его сумки ракетку и мячик и стала бить. Бить в изгородь, бить в стену. А потом я зашла за угол и стала бить там, где били все остальные игроки. Я была маленьким ребенком, поэтому не понимала, что делаю, но быстро впала в транс, видя, как мяч отскакивает от ракетки и возвращается ко мне, наподобие того, как йо-йо возвращается к вам в руку. Так я заставила своего отца, Юрия — а этот рассказ и о нем тоже, — отвлечься от своих дел и обратить на меня внимание. Так началась моя жизнь.

Я не уверена, что действительно помню себя в то время, может быть, я просто вспоминаю старые выцветшие фотографии: крохотная девочка со светлыми волосами и шишковатыми коленками и ракеткой не по размеру. Иногда я задумываюсь, осталась ли я все той же девочкой, которая взяла тогда ракетку в руки. Очень скоро игра изменилась, и простое нанесение ударов уступило место сложностям с тренерами и тренировками, играм и турнирам, необходимости выигрывать, которая не столько связана с призами, сколько с желанием победить всех остальных девочек. Я могу долго и красиво об этом рассуждать, но в конечном счете моя мотивация очень проста: *я хочу одолеть их всех*. И дело не в самой победе. Дело в том, что в этом случае ты остаешься непобежденной. Ленты и кубки стареют, но воспоминания о поражениях всегда с тобой. И я их ненавижу. Так что многими из нас руководит страх поражения. Я говорю «многими из нас», потому что не верю, что я единственный человек на Земле, который думает подобным образом. Может быть, если бы я не стала писать эту книгу, это никогда бы не пришло мне в голову. Когда задумываешься, то начинаешь обращать внимание на то, как связаны между собой различные жизненные явления. Просто видишь вещи по-новому.

Я часто спрашиваю себя: для чего писать книгу?

С одной стороны, для того, чтобы рассказать свою историю, с другой — чтобы лучше ее понять. Во многих отношениях мое детство остается загадкой, даже для меня. Мне все время задают одни и те же вопросы: как я вышла на этот уровень? Как я этого добилась?

Что было сделано правильно, а в чем я ошиблась? Как я уже говорила, у меня есть одно хорошо известное всем свойство — упертость, способность продолжать, когда, казалось бы, все разваливается. Люди хотят знать, откуда у

меня эта черта характера и — поскольку каждый надеется получить свой собственный шанс — как выработать ее в себе. Я сама не могу ответить на этот вопрос. Ответ относится к категории «кто его знает...». И может быть, если задуматься об этом слишком глубоко, то это свойство исчезнет. Но это моя жизнь, и я хочу рассказать о ней. Я говорю с журналистами, но никогда не рассказываю им всего. Может быть, сейчас наступило время для новых вопросов, для того, чтобы осмыслить мою жизнь и рассказать о ее начале прежде, чем я все забуду? Я надеюсь, что люди извлекают уроки из любого опыта — и хорошего, и плохого. Это история о жертвенности, о том, от чего приходится отказываться. Но это и история о девочке, об ее отце и о их невероятном приключении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С чего же начать?

Может быть, с Гомеля, города в Белоруссии, с его грязноватыми улочками и лесными тропинками, словно из сказки? Он расположен недалеко от границы с Россией и совсем рядом с украинским Чернобылем. Мой папа встретился с моей мамой в школе. Какими они были тогда? А какими были *ваши* родители до того, как вы родились? Это всегда загадка. Мой отец скажет вам, что он был гениален. И неотразим. У моей мамы Елены, на этот счет другое мнение. Он был способен вывести ее из себя. Папа относился к категории учеников, которые ничего не читали и прогуливали уроки, а потом появлялись и проскакивали на экзамене. Школа Юрию всегда была безразлична. Он считал, что рожден для того, чтобы перехитрить систему, но ни один из учителей не мог научить его как.

Юрий быстро покончил со своим образованием. Он стал самостоятельным в возрасте двадцати лет и начал заниматься тем, чего я до сих пор не могу понять. Он руководил бригадами, которые ремонтировали заводские трубы. Знаете, из которых валит дым. Он много путешествовал, обслуживая заводы по всей стране. Все дни он проводил на лесах, на высоте в несколько сотен футов, ремонтируя все, что нуждалось в ремонте. Если бы Советский Союз не распался, он бы занимался этим до самой пенсии. Но Советский Союз распался. В принципе он начал разваливаться уже тогда, когда я только училась ходить. Когда спрашиваю об этом у отца, он обычно говорит:

— Горбачеву не хватило духу.

Мой отец верит в то, что, чтобы руководить чем угодно — домом, своей собственной карьерой или даже страной, — человек должен быть жестким. Он почти ничего не знал об Америке. У него она ассоциировалась с синими джинсами, рок-н-роллом и, пожалуй, все. То же самое касалось тенниса. Он ничего о нем не знал, и теннис его не волновал. В России теннис был игрой свергнувших аристократов. Юрий играл в хоккей с шайбой и любил альпинизм, что в какой-то степени объясняет его жизнь верхом на заводских трубах.

Моя мама — красивая миниатюрная женщина со светлыми волосами и искрящимися голубыми глазами. Она образованна лучше отца — с отличием закончила среднюю школу и институт, а потом стала кандидатом наук. Мама обожает великих русских писателей (когда я была совсем маленькой, она мне их читала и заставляла заучивать наизусть отрывки, значение которых я тогда еще не понимала). В 1986 году они с отцом жили в доме на окраине города. Перед домом был двор, а за домом начинался лес. Бабушка с дедушкой жили неподалеку. А вот родители мамы жили далеко на севере, в Сибири, и это важно. Когда мои родители вспоминают те годы, кажется, что они говорят о жизни в раю. Дом, деревья, тень под ними, пара влюбленных друг в друга молодых людей. Они были бедны, но не подозревали об этом. Дом был маленький и продувался всеми ветрами, но и об этом они не задумывались.

А потом это случилось: мой дядя подарил папе теннисную ракетку на день рождения. Это была такая шутка. Ведь в теннис играли только богачи. Но в Гомеле недавно открылся теннисный клуб, и мой папа подумал: «А почему бы нет?»

Сам он начал слишком поздно, чтобы стать большим игроком, но он был спортивным человеком и скоро стал прилично играть. Папа влюбился в игру, стал читать книги и статьи